

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№. 4189.

Воскресенье, 4-го Января 1898 г.

№. 4189.

ЧУЖОЕ ВРЕМЯ.

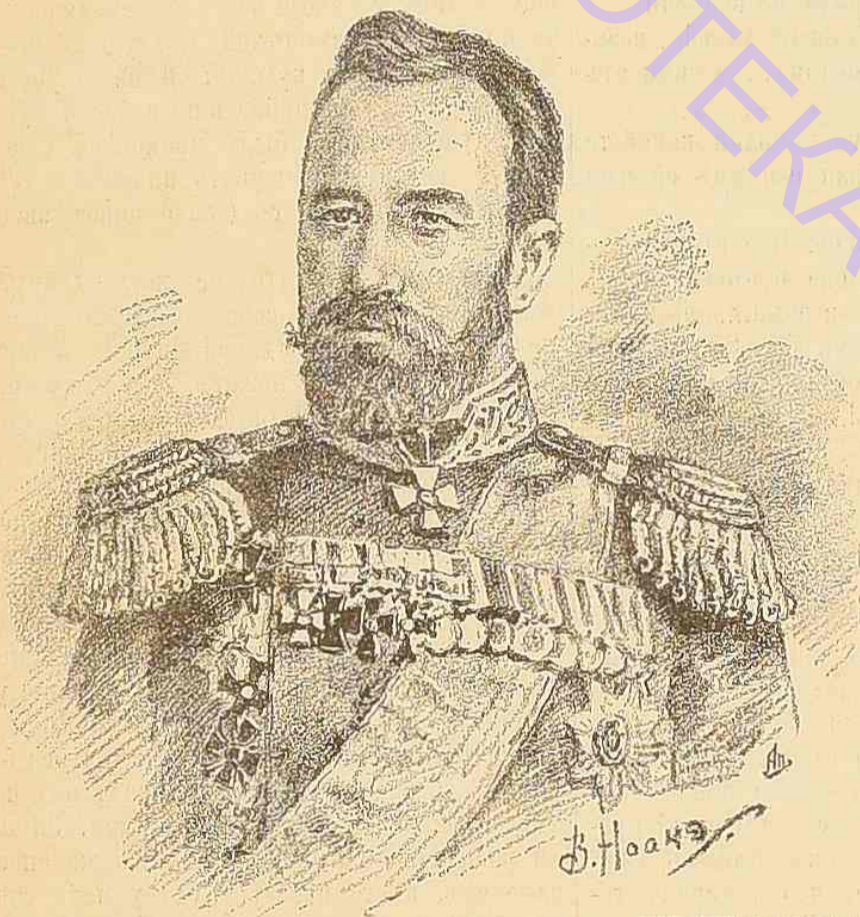
Я никогда не забуду ночь под Новый 188* годъ. Такъ странно было то, что со мной тогда случилось.

Совсѣмъ еще юнымъ офицеромъ я очутился въ маленькомъ глухомъ мѣстечкѣ западнаго края, гдѣ была расположена наша батарея. Мѣстечко Менцмержъ, Л-ской губерніи, казалось совсѣмъ затеряннымъ среди отроговъ Карпатъ. Мы жили маленькимъ, но дружнымъ кружкомъ; чудная окрестная природа замѣняла намъ развлечения

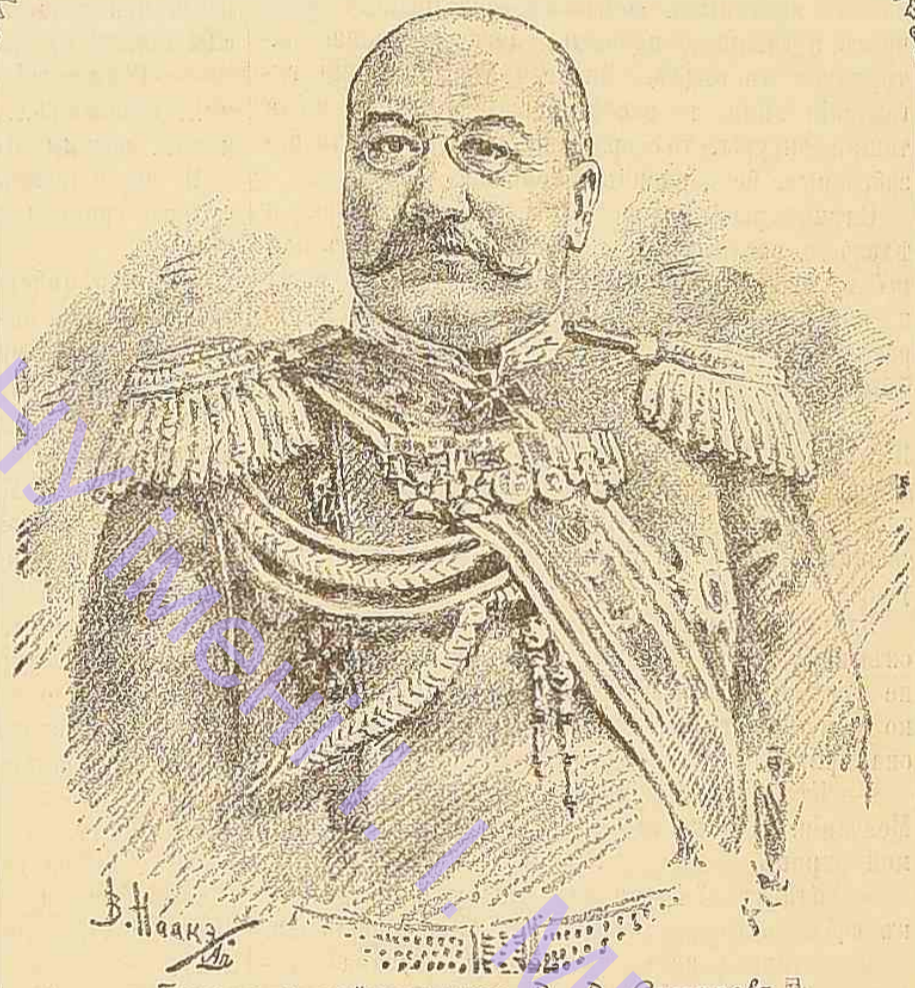
«встрѣчи Нового года» у себя не дѣлалъ, ибо былъ человекъ многосемейный и безденежный. Мы, холостые офицеры, рѣшили встрѣтить праздникъ въ своемъ кружкѣ. Приготовленія къ тому были уже сдѣланы, когда отъ нашихъ Пилицкихъ сосѣдей явился депутатъ съ приглашеніемъ пожаловать къ нимъ. «Встрѣча» должна быть отъ этого болѣе многолюдной, широкой и оживленной. Мы приняли это приглашеніе въ обмѣнъ на ихъ обѣщаніе быть у насъ на другой день.

Часовъ въ 5 вечера, 31 декабря, мои товарищи отправились въ Пилицу на парѣ сытыхъ подъемныхъ лошадокъ, запряженныхъ въ помѣ-

улыбалась. Темное, совсѣмъ южное небо было усыяно звѣздами, серебристымъ свѣтомъ сіяла луна, безлиственные пирамидальные тополи, которыми обсажена была дорога, словно гигантскіеobeliski, отбрасывали длинные тѣни на снѣжной пеленѣ дороги. Легкій пятиградусный морозъ бодрилъ. Величіе погоднои ночи невольно ажитировало меня, словно тамъ гдѣ-то на моемъ пути, среди горъ и лѣсовъ, застанеть меня вдругъ мировое событіе и я во-очію увижу, какъ исчезнетъ куда-то, разсыплется что-ли въ прахъ или разбѣтается какъ паръ, Старый годъ, а на смѣну ему также таинственно явится Новый.

Генераль-лейтенантъ А. Х. Хуронаткинъ,
новый управляющій военнымъ министерствомъ.

Генераль-лейтенантъ В. В. Сахаровъ,
новый начальникъ главнаго штаба.

большихъ городовъ, а когда мы начинали другъ другу надѣвать и въ насъ возникала потребность видѣть другихъ людей, слышать другіе голоса, мы ѣхали въ гости къ офицерамъ другой батареи, квартировавшей верстъ за семнадцать, въ посадѣ Пилицѣ. Тамъ было и многолюднѣе и шумнѣе, чѣмъ въ нашей «трущобѣ».

Тамъ мы и должны были встрѣтить Новый годъ. Командиръ нашъ, человекъ хлѣбосольный, считавшій одною изъ старыхъ, — а потому хорошихъ артиллерійскихъ традицій собирать къ себѣ офицеровъ «на пирогъ» по воскресеньямъ и въ другіе годовые праздники, былъ въ отпуску, а командовавшій за него батареею капитанъ «дядя Нелюдимъ», какъ мы его звали,

стительныя сани, слывшія подъ названіемъ «ковчега». Меня задержали дѣла по лежавшимъ на мнѣ спеціальнымъ обязанностямъ службы, и я обѣщалъ пріѣхать попозже одинъ.

Я выбрался изъ Менцмержа только въ 10 часовъ вечера. Другихъ саней не было, да и отрывать съ собой солдата-кучера отъ отдыха на бессонную ночь мнѣ не хотѣлось и я поѣхалъ одинъ верхомъ на своемъ «Фазанѣ». Предлежавшія мнѣ семнадцать верстъ были мною хорошо измѣрены и я надѣялся «отмахать» ихъ часа въ полтора. Могъ, конечно, и запоздать; но, если-бы и случилось, я, кажется, не огорчился бы.

Поѣздка въ эту чудную, тихую и величественную, готовящейся смѣной времянь, ночь — мнѣ

Что, если я тамъ, на груди природы, въ эту ночь уловлю послѣдній вздохъ кончающагося Старого года? Не среди болтливыхъ и занятыхъ сутолокой жизни людей, а среди величія Божьяго міра, подъ покровомъ ночи, долженствовавшей облечь событіе въ тайну, сберечь ее отъ людскихъ пытливыхъ глазъ, я — я одинъ проникну вдругъ въ нее, стану лицомъ къ лицу съ нею. Жутко и сладко!

Я фантазировалъ, совершенно забывая, что для окрестнаго католическаго населенія эта «смѣна времени» наступила уже двѣнадцать дней тому назадъ. Да, для нихъ, но не для насъ! Я, по крайней мѣрѣ, въ силу привычки, считалъ, что «смѣны» еще не было и волновался ожиданіемъ ея.

Давнишній календарный спор!

Дышалось и порывисто от волнения, и легко въ то же время въ этомъ горномъ зимнемъ воздухѣ. Дышалось легко и отъ молодости, еще неопытной, еще неискушенной жизнью, необрызганной еще грязной пѣной житейскаго моря, не отравленной еще скептицизмомъ.

Быстрый конь... «Тихая звѣздная почь... трепетно свѣтитъ луна...», какъ поется въ известномъ старомъ романсѣ. Казалось бы, должна быть и она? Но она еще не появлялась. Ея еще не было. Жизнь была красна и безъ нея. Время заботъ и огорченій не оттягивало еще моихъ плечи. За ними, напротивъ, казалось, росли крылья, если не орла, то орленка. И сидя на добромъ конѣ я самъ себя мгновенными казался птицей... Вольной, поднебесной птицей. Взмахъ крыльевъ—шипы въ бокъ «Фазана»—и мы полетѣли.

Всегда степенный и по комплекціи и по своему лошадиному темпераменту, «Фазанъ» былъ, видимо, радъ предстоящему пробѣгу, радъ былъ вырваться изъ духоты конюшни на свѣжій воздухъ зимней почы. Онъ какъ птица легко и послушно моей волѣ отдѣлился отъ земли и вынесъ меня за ворота на улицу, танувшую темнымъ узкимъ корридормъ. Звонко постукивая своими коваными копытами, онъ пронесъ меня чрезъ пустынную площадь, легко и плавно потряхивая въ сѣдлѣ. Впереди бѣжали наши гигантскія тѣни, то растигивавшіяся въ длинныя тонкія фигуры, то сокращавшіяся въ какіе-то безобразные, безформенные комочки.

Смѣняя рысь галопомъ, а галопъ рысью, я бѣжалъ и наслаждался... Наслаждался вѣсьмъ *бытіемъ* своимъ. Сдержавъ коня я досталъ часы и, поймавъ на стекло циферблата лунный свѣтъ, различилъ положеніе стрѣлокъ. Было 10 часовъ 55 минутъ.

— Поехъ, — думалъ я и тронулъ лошадь. Я бѣжалъ и всматривался въ горы, въ группы деревьевъ, въ занесенныя снѣгомъ ложбины, узнавая старыя знакомыя мѣста въ новой одеждѣ, смѣлввшей ихъ пышный, разноцвѣтный лѣтній уборъ.

Вдругъ какая-то черная тѣнь мелькнула по снѣжному насту и слилась съ тѣнью топола. Я не успѣлъ уловить очертанія исчезнувшей тѣни, но у меня осталось смутное представленіе, что она принадлежала человѣческому существу.

— Кто тутъ? — крикнулъ я сперва несмѣло. Молчаніе. Только эхо горъ да рѣки повторил мой окрикъ.

— Кто тутъ? — еще разъ и уже увѣреннѣе въ себя повторилъ я. Опять меня повторило эхо.

Я заставилъ насторожившагося «Фазана» сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ, чтобъ миновать подозрительный тополь и видѣть ту его сторону, которая отбрасывала тѣнь. Повернувъ пятывшагося коня мордой въ сторону ожидаемой опасности, я сталъ всматриваться въ сумракъ тѣни и, наконецъ, различилъ въ немъ неподвижную человѣческую фигуру. Если я и «Фазанъ» имѣли основанія опасаться ея, то, вѣроятно, и она не менѣе боялась насъ. Она такъ жалась къ дереву, такъ низко опускала голову, что, казалось, хотѣла втиснуть свое тѣло въ поры стараго дерева, провалиться сквозь землю, обратиться въ незамѣтную точку, въ паростъ на корѣ.

— Кто ты? Что за человѣкъ? Что здѣсь дѣлаешь? Не бойся, я тебя не трону, выходи къ свѣту... — проговорилъ я, стараясь придать своему голосу возможно болѣе мягкости и ласковости. Вѣроятно, мнѣ это удалось. Страшная фигура вышла изъ своей засады и даже вплотную подошла къ моему стремени.

Это была женщина

Ея одежда такая, какъ носятъ мѣстные крестьянки, была очень жалка, — какія-то рубища, къ тому же беспорядочно надѣтыя. Изъ подъ стараго заплатаннаго платка, пакинутого на голову, выбивались пряди черныхъ прямыхъ волосъ, отбѣившихъ смертельную блѣдность лица, тонкаго, худого, не лишенаго своеобразной прелести. Но горе, нужда, тяжелая работа положили на него свои безобразныя клейма, клейма вѣчнаго рабства. Ея черные глаза горѣли лихорадочнымъ блескомъ и, казалось, боялись остановить свой воспаленный взглядъ на какой-нибудь точкѣ. Ея ротъ, съ сухими посинѣвшими губами, судорожно перекашивался на сторону; зубы стучали и отъ холода и отъ внутренняго волненія, жегшаго ее. На лѣвой согнутой рукѣ она держала что-то, прикрытое грубой холстинной накидкой съ узкими разноцвѣтными полосками, какую носятъ здѣсь крестьянскія женщины. Правой рукой она придерживала эту пошу спаружи.

Вѣроятно, это была крестьянка изъ Вольницы или Крамержа, ближайшихъ горныхъ деревушекъ. Но зачѣмъ она здѣсь въ эту позднюю пору? Быть можетъ, это нищая, не нашедшая себя пріюта на почвѣ? И я уже хотѣлъ ползѣть въ карманъ, чтобъ достать кошелекъ. Замѣтивъ это движеніе, женщина вдругъ заговорила сама глухимъ, срывающимся голосомъ, въ которомъ сразу же слышались слезы. Она говорила по-польски.

— Ради Бога!... Пресвятой Богородицы!... возьми... господи... добрый господи... возьми отъ меня... возьми его...

И она вытянула изъ подъ накидки какой-то кулекъ тряпокъ и протягивала его мнѣ обѣими руками.

Я ровню ничего не понималъ. Что это за кулекъ? Зачѣмъ онъ мнѣ? — А она продолжала.

— Ради Матери Божьей возьми... возьми... У меня нѣтъ хаты... нѣтъ хлѣба... нѣтъ отца съ матерью... Я одна... О—охъ!.. возьми... Что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать!..

Она уже рыдала навзрыдь. Слезы градомъ лились по ея щекамъ и застывали.

Она все еще протягивала мнѣ этотъ страшный кулекъ грязныхъ тряпокъ, въ которыхъ—я смутно догадывался—скрыта ея тайна, ея ужасъ. Женщина все старалась положить его ко мнѣ на сѣдло. Но я еще инстинктивно сопротивлялся. Ея рыданья, безсвязныя слова, которыми она то истерически громко выкрикивала, то понижала голосъ до шопота, такъ гулко отдавались въ ночной тишинѣ, такъ грубо нарушали покой природы, такъ не гармонировали съ чарующей прелестью ночи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такимъ ужасомъ охватывали мое сердце, что я терялъ голову.

Что дѣлать? Ускакать отъ этой безумной? Бросить безъ помощи эту несчастную? Но чѣмъ помочь? Какъ помочь?

Вѣсь эти вопросы вихремъ проносились въ моей головѣ. Но я чувствовалъ, что я не могу тронуться съ мѣста, что я не могу ускакать, что это было бы подлостью... Но что же дѣлать? Да въ чемъ же, наконецъ, дѣло?

Женщина уже держала меня за стремя и все еще молила о чемъ-то.

— ... Спаси... спаси его... меня... Возьми... Тамъ какъ нибудь устроишься... Что нибудь... Я не могу!... Я несла его въ Вислу... бросить... на дорогу... Не могу!.. Спаси душу... У меня нѣтъ хлѣба, нѣтъ молока...

Она ткнула себя въ тощую, едва прикрытую грудь.

— Что же мнѣ... въ рѣку его бросить?... Самой туда же?... Я не могу держать при себѣ ребенка...

— Ребенокъ! — вскрикнулъ я, отшатнувшись

въ какомъ-то ужасѣ, словно это было чудовище, готовое меня укусить, ужалить. Ребенокъ!... Хотѣла въ рѣку бросить? Что ты! Да, что же я то съ нимъ буду дѣлать? Я не могу... Что ты, что ты? Успокойся... растерянно, безсвязно бормоталъ я, ошеломленный вѣсьмъ слышаннымъ; и раскрывшейся предо мною житейской драмой и этимъ страннымъ предложеніемъ—мнѣ, двадцатилѣтнему холостому офицеру, взять къ себѣ чужого ребенка. Это нелѣпость!

— Возьми... возьми... настойчиво молила женщина.—Ради, Иисуса Христа!... Пресвятой Богородицы!... Вѣдь не въ воду же мнѣ его бросать?... Подъ ледъ... въ воду...

Я окончательно прозрѣлъ. Такъ вотъ она — великая тайна, подслушанная мною въ великую новогоднюю ночь! Я одинъ на одинъ поставленъ здѣсь предъ жизнью и смертью двухъ существъ, связанныхъ узами материнства; предъ силою погубить и безсиліемъ спасти свою жизнь; предъ любовью матери и безвыходною необходимостью вырвать ее съ корнемъ; предъ человѣческою слабостью и расплатою за нее; предъ любящею матерью и матерью-преступницею... И я долженъ теперь, вотъ сейчасъ, не сходя съ этого мѣста рѣшить вѣсь эти вопросы, разрубить этотъ Гордіевъ узелъ! Отъ меня зависѣла судьба двухъ жизней! Отъ меня, еще не знакомаго съ жизнью, еще за минуту передъ тѣмъ оцѣниваемаго ее съ точки зрѣнія беззаботной цвѣтущей молодости! Куда дѣлись мои крылья? Я не ощущалъ ихъ болѣе за своей спиной. Съ поднебесья я упалъ на грѣшную землю, я былъ прикованъ уже къ ней цѣпью, которую не порвать никакими усиліями, и каждое мгновеніе создавало новое звено этой цѣпи.

Я чувствовалъ, что не могу двинуться съ мѣста, не унеся съ собой послѣдняго проклятыя, не сознавая, что за моей спиной совершается преступленіе, быть можетъ, даже двойное. Что мнѣ дѣлать? Мы были одни съ глазу на глазъ. Насъ видѣли и слышали среди соннаго царства земли лишь мерцавшія на небѣ звѣзды—Божьи очи, какъ зоветъ ихъ народъ. Выбора не было. Я долженъ былъ рѣшиться взять этотъ кулъ тряпокъ, хранившій въ себѣ, какъ въ скорлупѣ, будущаго *человѣка*.

Взять? Но что же я съ нимъ дальше буду дѣлать? Какъ я объясню его нахожденіе у меня? Куда я съ нимъ теперь дѣнусь? Какъ я доведу его до Пилицы? Вѣдь товарищи смѣяться будутъ? Мнѣ казалось, что я уже слышалъ ихъ насмѣшливые вопросы:—«свой или чужой? За чьи грѣхи расплачиваешься?» — Какимъ же способомъ, наконецъ, я его повезу? Будь у меня сани, вопросъ этотъ рѣшался просто. Тысячи вопросовъ возникали и требовали отвѣтовъ. Но ихъ не было. Было только одно, что я долженъ *взять этого ребенка*.

Его мать все еще стояла и цѣпко держалась за мое стремя, какъ за послѣдній якорь спасенія. Ея рука, казалось, должна была примерзнуть къ холодному желѣзу стремени.

Я машинально втянулъ къ себѣ на сѣдло злополучный кулекъ и, вѣроятно, сдѣлалъ это такъ неловко, что содержимое его издало какой-то страшный хрипавый звукъ, а затѣмъ и пискливый дѣтскій плачь огласилъ окрестность. Онъ едва не перевернулъ принятое уже мною рѣшеніе, но мать сумѣла его быстро успокоить.

— Какъ же я его повезу? — безпомощно спросилъ я эту женщину. Она растерянно смотрѣла на меня своими заплаканными глазами.

Вести его, держа на рукахъ было бы неудобно. Что дѣлать? Я дернулъ съ плечъ башлыкъ, мягкій, большой, велѣлъ женщинѣ сунуть въ его капюшонъ ребенка, сдѣлалъ перекрестъ изъ концовъ

башлыка и завязалъ ихъ потомъ узломъ у себя на шеѣ. Ребенокъ, какъ въ сумкѣ, повисъ у меня на груди. Я дѣлалъ все это въ какомъ-то полу-снѣ, не отдавая себѣ яснаго отчета—такъ я былъ сбитъ съ толку всеѣмъ происшедшимъ. Такъ же машинально тронулъ я шенкелями лошадь. Уже отъѣхавъ нѣсколько сажени, я вспомнилъ о женщинѣ. Миѣ казалось, что ее надо о чемъ то спросить, что то сказать... Я осторожно повернулъ голову, чтобы взглянуть, что стало съ этой женщиной, такъ неожиданно ставшей на моей дорогѣ.

Она все еще стояла на краю шоссе, вся озаренная свѣтомъ луны, и дѣлала руками какіе-то странные жесты.

Я отвернулся. Миѣ больно оттягивала шею висѣвшая на ней люлька-башлыкъ съ ребенкомъ.

Не безъ нѣкотораго чувства страха и безгласности сунулъ я руку въ эту грудку грязныхъ тряпокъ, пахнувалъ въ ней младенца, поправъ ему при этомъ пальцемъ въ губы. А ну, какъ онъ у меня тутъ, на шеѣ, умретъ, задохнется? Что тогда дѣлать? Ужасъ охватываетъ меня. Къ счастью, онъ былъ живъ, чмокалъ губами, шевелилъ ими, стараясь поймать мой палецъ. Онъ, очевидно, хотѣлъ ѣсть. Боясь, чтобы онъ не задохся, я не закуталъ его наглухо въ тряпки, а оставилъ лазейку для воздуха.

«Фазанъ» шелъ шагомъ, а я не торопилъ его. Я боялся, что рысь растрясетъ ребенка, что онъ заплачетъ, а я не смогу его успокоить. Я ѣхалъ такъ, какъ будто на передней лужѣ моего сѣдла стоялъ стаканъ съ чаемъ, который я боялся расплескать. Я рѣшилъ, что все равно я уже опоздаю къ встрѣчѣ Нового года. Да для меня онъ уже наступилъ. На миѣ уже лежала одна изъ тяжкихъ пошъ міра сего.

Надо было обдумать свое *глупое* — такъ я тогда мысленно и выразился — положеніе. Впервые, что я долженъ былъ сказать товарищамъ, къ которымъ явлюсь съ такимъ страннымъ для холостой компаніи новогоднимъ подаркомъ. Разказать все, какъ было, миѣ не хотѣлось. Не поймутъ еще, смѣяться стануть.

Нѣтъ, лучше что нибудь сочинить. Что именно? Да, просто, скажу, что нашелъ этого ребенка на дорогѣ, какъ находятъ сто тысячъ рублей или старую подкову. Разкажу такъ: я проѣзжалъ мимо, обратилъ вниманіе на кулекъ, полагая, что кто нибудь обронилъ свои вещи, поднялъ, оказалось — ребенокъ; я посоветился бросить его на произволъ судьбы и привезъ сюда. Вотъ и все. Такъ и съ полиціей легче обойтись. А то еще станеть она меня тягать по разнымъ мытарствамъ: допросамъ, дознаніямъ, слѣдствіямъ,—будутъ ставить на очныя ставки со всякими подозрѣваемыми въ незаконномъ материнствѣ женщинами.

Нѣтъ, избави Богъ отъ всѣхъ этихъ пердрягъ! Заявлю и полиціи о *находкѣ*. Такъ проще.

Ну, а дальше? Дальше? Оставлять ребенка у себя или сдать его въ полицейскій участокъ?

— Фу, чортъ!—выбранился я вслухъ.

Вопросы тянулись одинъ за другимъ, какъ нитки въ клубкѣ.

Сдать? Но это можетъ повести къ обнаруженію матери и тогда ей не одобровать.

Оставить у себя?—Но кто же за нимъ ходить будетъ?..

Я положительно изнемогъ подъ бременемъ всѣхъ этихъ мучительныхъ, неразрѣшимыхъ для

меня вопросовъ. Миѣ было жарко, душно отъ томившаго меня недоумѣнія. Я чувствовалъ, какъ нылаи мой лобъ и щеки. Первая дрожь колотила меня.

Сколько времени я ѣхалъ такъ, не знаю. У меня закоцебли и ноги, и руки отъ повода и постоянного придерживанія люльки. Помню только, что я несказанно обрадовался, когда передо мною замерцали въ ночной темнотѣ огоньки въ окнахъ посада. Я пробирался по его улицамъ словно «татъ ночной», боясь, чтобы кто нибудь не обратилъ вниманія на странный кулекъ, висѣвшій на моей груди, чтобы содержимое этого кулька не вздумало бы огласить тишину посада и нарушить безмятежный сонъ двухъ стражниковъ своимъ дѣтскимъ плачемъ.

Вотъ я наконецъ, и на дворѣ дома, гдѣ живутъ мои товарищи. Изъ оконъ, сквозь бѣлая занавѣси, широкими полосами льется свѣтъ. Очевидно, *встрѣча* въ зенитѣ. Лай собаки привлекъ вниманіе деньщиковъ и одинъ изъ нихъ выскочилъ принять отъ меня лошадь. Бросивъ ему поводъ, я осторожно снялъ себя съ сѣдла и, дрожа отъ волненія, вошелъ въ сѣни. Сердце у меня билось, голова кружилась. Остановившись на минуту передъ дверью, чтобы немного оправиться, я рѣшился, наконецъ, войти...

Миѣ на встрѣчу гурьбой высыпали товарищи.

— Эхъ, опоздалъ!..—слышались ихъ укоры.

— Съ Новымъ годомъ — съ новымъ счастьемъ!—съ трудомъ, искривляя губы въ улыбку, проговорилъ я, снимая съ своей шеи башлыкъ и подавая его въ чьи то руки.

— Вино?—спросилъ кто-то.

— Ребенокъ...—пробормоталъ я, безсильно опускаясь на стоявшій въ сѣняхъ сундукъ.

Что дальше было, я не помню. Я очнулся только тогда, когда кто-то изъ пріятелей, пытаясь привести меня въ сознаніе съ помощью стакана вина, которымъ онъ тщетно тыкалъ въ мои стиснутые зубы, пролилъ его миѣ за воротникъ.

— Ты нашелъ его на дорогѣ, что ли?—Откуда онъ взялся?—Чей?—засыпали меня вопросами.

Я со всеѣмъ соглашался, радуясь, что они сами считали наиболѣе вѣроятнымъ то, что я сочинилъ дорогой, какъ ложь.

— Да, да, на дорогѣ...—повторялъ я. Миѣ оставалось только опредѣлить мѣсто находки и сообщить нѣкоторыя подробности событія.

Ребенокъ, къ моему счастью, доѣхалъ живымъ и теперь, освобожденный изъ подъ тряпокъ, лежалъ на диванѣ и сосалъ свой кулачекъ, жмурясь отъ свѣта. Одинъ изъ деньщиковъ былъ уже посланъ къмъ-то розыскать какую нибудь женщину, чтобы покормить ребенка и вообще присмотрѣть за нимъ.

На общемъ совѣтѣ рѣшено было завтра же довести о находкѣ до свѣдѣнія полиціи, но ребенка, оказавшагося дѣвочкой, ей не отдавать, а оставить у себя.

— Пусть будетъ нашей общей дочерью. — проговорилъ одинъ пожилой штабель-капитанъ, безнадежный холостякъ.

Возникалъ вопросъ и о крестинахъ, причемъ меня нарекали уже крестнымъ отцомъ. Но такъ какъ на шеѣ дѣвочки оказался мѣдный католическій образокъ, то рѣшили, что ребенокъ крещенъ. Но какъ его зовутъ?—неизвѣстно. Какъ бы тамъ ни звали, а наречь ей какое нибудь имя «для обихода» надо было. Послѣ оживленныхъ дебатовъ порѣшили звать ее Еленой.

Для образованія Еленина капитала, «на случай ея замужества», конечно, въ будущемъ, мы вытрясли свои кошельки и кромѣ того рѣшили отчислить ежемѣсячно нѣкоторый процентъ изъ своего содержанія.

На разсвѣтѣ мы всѣ, въ саняхъ, вернулись въ Мецмержъ. Елену мы везли съ собою, закутавъ ее въ мѣховую шинель одного изъ Пиллицкихъ офицеровъ. По дорогѣ я долженъ былъ указать товарищамъ то мѣсто, гдѣ я нашелъ Елену, и я не безъ мистическаго трепета произнесъ — «вотъ здѣсь» — надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ мой «Фазанъ», выбившій тутъ отъ нетерпѣнія копытомъ яму.

— Какъ ты еще на нее въ темнотѣ не наѣхалъ?..

— Да, кто нибудь другой могъ и раздавить санями...

— Могли собаки съѣсть...

Всѣ соглашались въ томъ, что Елена — «плодъ любви несчастной», брошенная матерью. Я молчалъ, затаивъ про себя страшную тайну, которую разказала миѣ новогодняя ночь.

Когда всѣ формальности были покончены, дѣвочкѣ, въ которой даже многосемейный «дядя-Нелюдимъ» принялъ участіе, прискакали въ тотъ же день няньку. Быть ею взялась моя квартирная хозяйка, жена столера. За небольшую плату она согласилась взять Елену къ себѣ на воспитаніе на годъ, на два. Я былъ этому радъ. Дѣвочка всегда была у меня на глазахъ и мой деньщикъ ходилъ и возился съ нею гораздо болѣе, чѣмъ столярова жена.

Елену мы всѣ очень любили, базовали чѣмъ могли, а черезъ годъ въ день ея рожденія—31 декабря—устроили для нея елку. Мы задавались уже мечтой отдать ее впоследствии въ женскую гимназію въ Л. Но... Елена такъ же таинственно исчезла отъ насъ, какъ появилась.

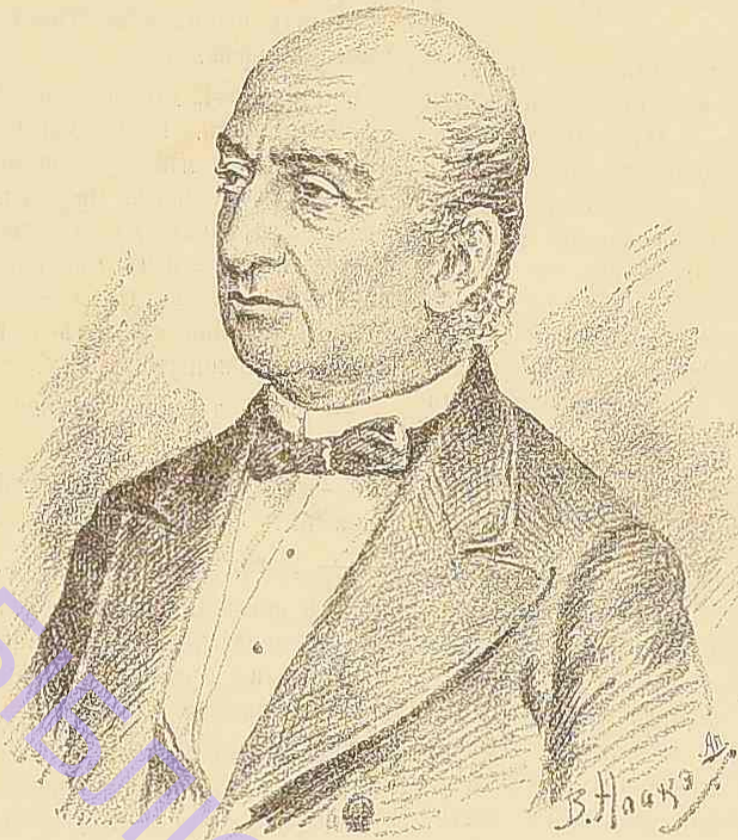
Это было весной, передъ самымъ выходомъ батареи въ лѣтніе сборы. Дѣвочкѣ по нашему счету шелъ уже третій годъ. Вернувшись откуда-то домой, я былъ пораженъ растеряннымъ видомъ моего деньщика.

— Барышня пропали-съ...—глухимъ голосомъ проговорилъ онъ, опуская глаза въ ожиданіи выговора. Тоже подтвердила миѣ съ воємъ и причитаніемъ столярова жена. Дѣвочка гуляла на дворѣ, выходила на улицу нѣсколько разъ и въ одинъ изъ нихъ не вернулась. Даже никто не замѣтилъ, когда она вышла.

Тотчасъ же были оповѣщены всѣ «отцы». На поиски во всеѣмъ направленіяхъ были посланы деньщики... Но все было напрасно. Мы сами перерыли, кажется, весь Мецмержъ. Елены нигдѣ не было. Одинъ только изъ деньщиковъ принесъ кой какія извѣстія. Попавшійся ему навстрѣчу, на шоссе, старикъ-крестьянинъ на вопросъ, не встрѣчалъ-ли онъ маленькой дѣвочки, — деньщикъ описалъ кой какія примѣты, — одну или съ кѣмъ нибудь, сказалъ, что довольно далеко уже встрѣтилъ какую то крестьянку, которая несла закутаннаго въ платокъ и плакавшаго ребенка. Мальчика или дѣвочку — онъ не знаетъ. Вотъ все, что намъ дали поиски. Полиція не прибавила къ нимъ ничего.

Миѣ кажется, что я знаю, кто была эта женщина.

Вл. Апушкинъ.

Графъ М. Д. Деляновъ,
министръ народнаго просвѣщенія
† 29 декабря 1897 г.

ПОСЛѢДНІЙ РОМАНЪ АЛЬФОНСА ДОДЭ.

По волѣ рока новый романъ Альфонса Додэ «Soutien de famille» сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ произведеніемъ знаменитаго французскаго писателя. Произведеніе это передѣлано въ романъ изъ драмы. Произошло это вотъ почему. А. Додэ пришлось на своемъ вѣку быть близкимъ свидѣтелемъ очень трагической исторіи. У него на глазахъ крупный домовладѣлецъ своей необыкновенной требовательностью и своимъ болѣе чѣмъ равнодушнымъ отношеніемъ къ судьбѣ своихъ постояльцевъ довелъ до самоубійства одного изъ нихъ, человека въ высшей степени почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ, и прямо пустилъ по міру его семью. Такого рода исторіи въ Парижѣ случаются довольно часто. Передъ термомъ, т. е. передъ началомъ каждаго триместра, когда огромное большинство парижанъ обязано платить обычную дань домовладѣльцамъ, въ газетахъ нерѣдко можно встрѣтить извѣстіе о самоубійствѣ цѣлыхъ семействъ, которыя, дойдя до послѣдней степени нищеты и не желая очутиться на улицѣ безъ крова и пристанища, добровольно отправляются въ страну, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханія. Но въ данномъ случаѣ домовладѣльцемъ оказался довольно видный общественный дѣятель, а его жертвой — человекъ, тоже игравшій нѣкогда роль въ общественной жизни, и вызванная его черствостью трагическая исторія надѣлала немало шума. За несчастную семью заступились ея знакомые и съ «горшуна», какъ парижане называютъ такого рода домовладѣльцевъ, было взято обѣщаніе дать по крайней мѣрѣ болѣе или менѣе приличное воспитаніе дѣтямъ несчастнаго самоубійцы. На Додэ же вся эта исторія произвела такое глубокое впечатлѣніе, что

онъ подъ ея вліяніемъ написалъ цѣлую драму, въ которой, разумѣется, отнесся къ виновнику катастрофы очень сурово. Но когда драма была готова, ея герой успѣлъ занять такое видное общественное положеніе, что появленіе его на сценѣ да еще въ некрасивой роли «горшуна», — а его, конечно, сейчасъ же узнали бы, — вызвало бы цѣлый скандалъ, надѣлало бы немало неприятностей и автору пьесы, и дирекціи театра. Вотъ во избѣжаніе этого-то скандала и этихъ неприятностей Додэ и счелъ нужнымъ не только передѣлать свою драму въ романъ, гдѣ положенія и характеры не такъ рѣзки и рельефны, какъ въ драмѣ, но даже значительно смягчить самыя краски. Теперь этотъ романъ печатается въ «Illustration» подъ заглавіемъ «Soutien de famille».

Въ первыхъ главахъ своего романа А. Додэ рассказываетъ вышеупомянутую трагическую исторію, рисуя мимоходомъ цѣлую галерею довольно яркихъ и характерныхъ фигуръ. Передъ нами прежде всего несчастная жертва людской жестокости — старый участникъ движенія 1848 года, всю свою жизнь хлопотавшій, насколько ему позволяли его маленькія средства, о благѣ рабочихъ, Эделинъ. Онъ былъ когда-то рабочимъ, но, завоевавши симпатіи своего патрона, женился на его дочери и сдѣлался хозяиномъ большой мастерской. Его дѣла долго находились въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, и онъ не безъ гордости отправилъ своихъ двухъ мальчиковъ въ лицей, гдѣ они въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ были на самомъ лучшемъ счету. Но подъ старость, увлекшись постройкой дешевыхъ домовъ для рабочихъ и другими филантропическими предпріятіями, онъ запутался въ долгахъ, сильно задолжалъ владѣльницѣ его мастерской и квартиры, припужденъ былъ взять своихъ дѣтей изъ лицея, такъ какъ ему печѣмъ было платить за нихъ, продалъ даже чужой, сданный ему на храненіе товаръ, чтобы уплатить

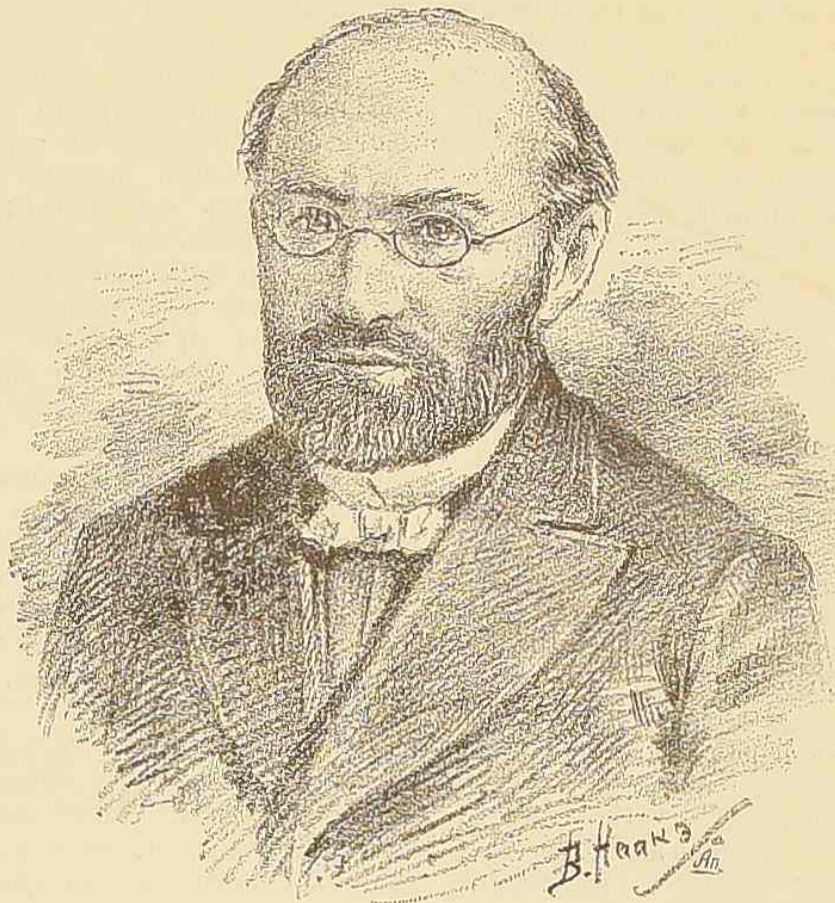
хоть часть долга домовладѣльцу и въ началѣ романа мы видимъ его въ кабинетѣ директора того лицея, гдѣ учились его дѣти, куда онъ явился съ униженной просьбой дозволить его Реймону и Антонену принять участіе въ предстоящемъ конкурсномъ экзаменѣ. Но директоръ, — сухой и черствый канцеляристъ, суровое лицо котораго смягчалось нѣсколько лишь въ тѣ моменты, когда проситель упоминалъ вскользь о своихъ знакомствахъ въ политическомъ мірѣ, — и слышать не хочетъ объ этомъ; регламентъ такихъ вольностей не допускаетъ. Пусть Эделинъ заплатитъ за ученіе своихъ дѣтей и тогда ихъ допустятъ къ участию въ конкурсѣ. Выйдя отъ директора, Эделинъ начинаетъ въ горѣ перебирать, къ кому бы ему обратиться за помощью. У него есть старый вѣрный другъ, помощникъ начальника стенографовъ въ Бурбонскомъ дворцѣ, Изоаръ, съ которымъ онъ сблизился еще въ 1848 году и который ему никогда и ни въ чемъ не отказывается; но ему онъ и безъ того уже долженъ очень много. Ему охотно помогла бы и старая хозяйка его дома, г-жа Жавель, часто поддерживавшая его въ трудныя минуты, охотно помогавшая ему въ его филантропическихъ предпріятіяхъ и своимъ благодушнымъ отношеніемъ къ нему заставившая его слишкомъ запустить платежи за квартиру. Но она недавно умерла, а ея наследникъ, товарищъ министра г. Жавель, такъ суровъ и требователенъ, что къ нему нечего и думать обращаться за помощью. Онъ и безъ того уже грозитъ Эделину продажей его имущества, если только на дняхъ не будетъ уплаченъ весь долгъ за квартиру. Кромѣ же нихъ ему ждуть помощи рѣшительно неоткуда. Въ отчаяніи Эделинъ рѣшаетъ уже, набравшись храбрости, пойти поговорить съ самимъ Жавелемъ; но, зайдя къ себѣ въ кон-

ОДЕССА — На благотворительной выставкѣ (Набросокъ)

тору, онъ находитъ тамъ официальное извѣщеніе о продажѣ его имущества черезъ два дня и приглашеніе со стороны судебного слѣдователя явиться къ нему для какихъ-то объясненій. Эделинъ сейчасъ догадывается, какого рода объясненій отъ него потребуютъ. На него подана жалоба за продажу имъ чужого товара. Преступленіе на лицо: отпираться нечего и думать. Ему вмѣстѣ съ нищенствомъ предстоитъ еще судъ и позорное наказаніе. Потерявши совершенно голову подъ тяжестью обрушившейся на него бѣды, Эделинъ не видитъ для себя другого выхода, кромѣ самоубійства. Этимъ онъ спасетъ, по крайней мѣрѣ, свою семью отъ позора и, можетъ быть, вызоветъ какое нибудь сочувствіе къ ея положенію. Принявши такое рѣшеніе, онъ сообщаетъ о немъ по почтѣ Изаару и Жавелю, проситъ ихъ не оставить его дѣтей, особенно старшаго изъ нихъ, Реймона, 16-лѣтняго юношу, который теперь остается единственной поддержкой его семьи и затѣмъ бросается вопъ изъ дому. Жена, видя его въ какомъ-то особенно возбужденномъ состояніи и предчувствуя бѣду, бѣжитъ за нимъ, нагоняетъ у канала и пробуетъ остановить его. Но Эделинъ успѣваетъ убѣдить и ее, что въ ихъ положеніи для него другого выхода нѣтъ, отсылаетъ ее домой, а самъ бросается въ воду.

Вернувшись къ себѣ, убитая горемъ, но старающаяся скрыть отъ своихъ дѣтей обрушившееся на нихъ несчастіе, женщина находитъ съ ними Изаара. Старый товарищъ ея мужа—добрѣйшей, честнѣйшей и безкорыстнѣйшей души человекъ, типичный представитель лучшей, гуманнѣйшей части поколѣнія конца сороковыхъ годовъ. Получивши трагическое письмо Эделина, онъ собираетъ всѣ деньжонки, какія только у него были, и мчитъ

И. А. Захаринъ,

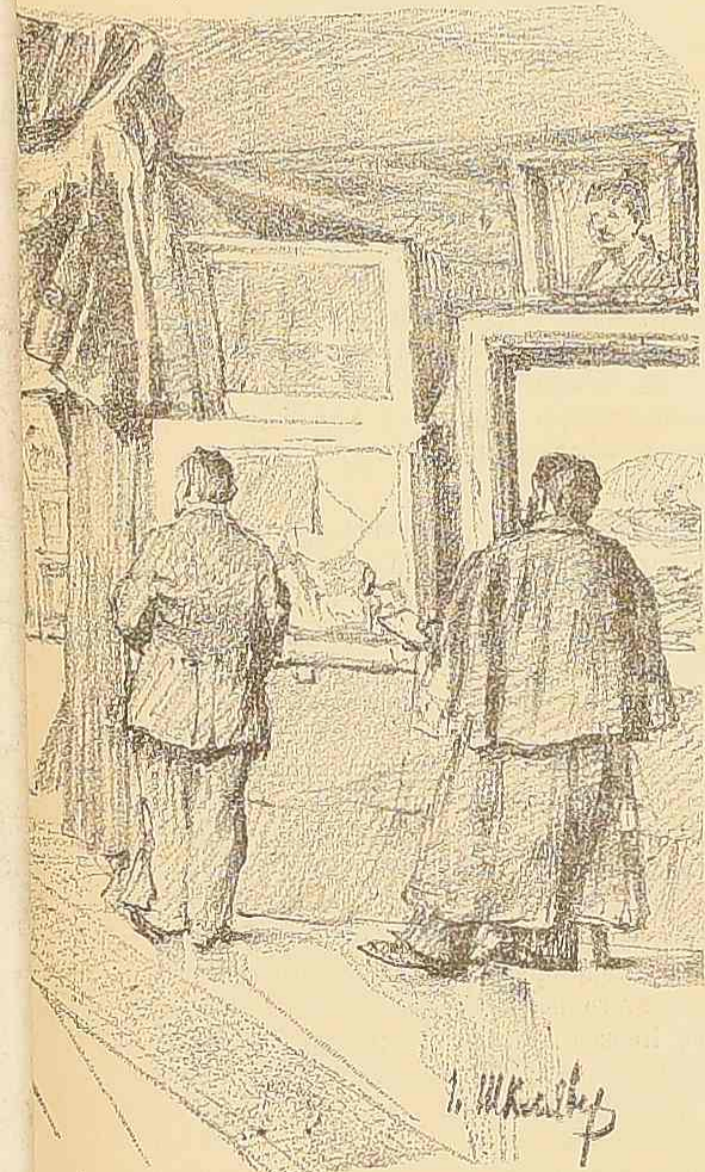
заслуженный профессоръ московскаго университета.

† 24 декабря 1897 г.

ся выручать своего друга; но онъ явился слишкомъ поздно. Несчастная женщина сообщаетъ ему, одновременно и о самоубійствѣ мужа и о предстоящей на слѣдующій же день продажѣ ихъ имущества. Изааръ возмущенъ, потрясенъ. Онъ беретъ дѣтей и отправляется съ ними прямо къ Жавелю, въ надеждѣ, что товарищъ министра, часто нуждающійся въ его скромныхъ услугахъ, какъ стенографа, не откажется принять его, не смотря на не совсѣмъ обычный для пріемовъ часъ дня. И онъ не ошибся. Жавель поднялся для него даже изъ-за завтрака. Это еще довольно молодой человекъ, характерный представитель очень распространеннаго типа сухого, ловкаго и пронырливаго карьериста, который всегда и всюду прежде всего заботится о своей популярности. Онъ получилъ письмо Эделина, но преспокойно отправилъ его къ своему управляющему. Узнавши же отъ Изаара, что его жилецъ дѣйствительно привелъ въ исполненіе свое рѣшеніе, онъ сейчасъ-же сообразилъ, какого шума надѣлаетъ, какой ударъ его политическому положенію можетъ нанести газетная статья подъ заглавіемъ «Наслѣдство Жавеля», въ которой была бы разсказана грустная исторія самоубійства Эделина, и потому отнесся къ нему и къ его молоденькимъ протезѣ необыкновенно милостиво. Онъ немедленно же остановилъ продажу имущества Эделина, устроилъ на свой счетъ его похороны, самъ присутствовалъ на нихъ и при этомъ во всеуслышаніе заявилъ, что онъ ни за что не оставитъ дѣтей такого стараго испытаннаго республиканца. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ похоронъ Изааръ при его помощи пристроилъ младшаго мальчика, 14-ти лѣтняго Антонена въ какую-то хорошую мастерскую, гдѣ готовились разные приборы по электричеству, старшаго помѣстилъ на казенный счетъ въ лицей, а вдову и ея маленькую дочку Дину отправилъ въ провинцію въ жи-

даніи того блаженнаго момента, когда мальчики и особенно старшій изъ нихъ—soutien de famille, станутъ на ноги и будутъ въ состояніи позаботиться о нихъ.

Но пропешаяся надъ мальчиками катастрофа оставила на нихъ слѣдъ очень глубокий. На младшаго она подѣйствовала такъ, что онъ сталъ заикаться, старшій-же, напустивши на себя какую-то особенную важность, сдѣлался очень разсѣяннымъ. Сознаніе, что онъ теперь soutien de famille, что на немъ лежатъ тяжелыя обязанности прежде всего заботиться о своей семьѣ и что онъ находится подъ покровительствомъ такого могущественнаго человека, какъ Жавель, лишило его прежней простоты, живости и естественности. Онъ сталъ смотрѣть на себя какъ на человека, заранѣе обреченнаго на самопожертваніе, немало гордился этимъ, но къ своимъ ближайшимъ обязанностямъ относился довольно разсѣянно и учился ровно на столько, чтобы не остаться въ томъ-же классѣ. Когда ему минуло 18 лѣтъ и онъ перешелъ въ послѣдній классъ, разсѣянность его еще больше увеличилась: онъ влюбился. У Изаара, обращавшагося съ мальчиками какъ съ родными, была дочь Женевьева, которую отецъ воспиталъ совершенно особеннымъ образомъ. Онъ не пустилъ ее въ гимназію, а пригласилъ къ ней въ учительницы русскую студентку, давшую ей очень солидное для ея среды образованіе, и велъ ее такъ, что изъ нея вышла простая, необыкновенно добрая, сердечная и живая дѣвушка. Замѣтивши, что Реймону при его разсѣянности очень трудно справляться съ латынью и съ математикой, она стала помогать ему въ его занятіяхъ, а онъ, разумѣется, не преминулъ по уши влюбиться въ свою учительницу. Но всего удивительнѣе то, что учительница, хотя она была года на четыре старше своего воспитанника, тоже начала не на шутку увле-

картинъ въ пользу католическаго общества.
съ натуры)

каться его миловиднымъ личикомъ и благодаря совершенной петропугости своей натуры долго не замѣчала это. Когда же у ней раскрылись, наконецъ, глаза на истинный характеръ ея отношеній къ Реймону, она рѣшила какъ можно скорѣе выйти замужъ за одного изъ сослуживцевъ своего отца, Симеона, котораго она считала хоть и пустоватымъ, но добрымъ малымъ, и который, какъ ей казалось, очень любилъ ее. За ней ухаживалъ еще пѣкій Мола, сынъ жившихъ на дачѣ рядомъ съ ними разбогатѣвшихъ крестьянъ, сдѣлавшійся блестящимъ хроникеромъ «Débats»; но она чувствовала къ нему какое-то чисто инстинктивное отвращеніе. Ея свадьба съ Симеономъ была уже для нея и для ея добродушнаго отца дѣломъ вполне рѣшеннымъ; но передъ тѣмъ какъ дать Симеону свое окончательное согласіе, молодая дѣвушка сочла нужнымъ предупредить объ этомъ Реймона и, воспользовавшись случайно представившимся удобнымъ случаемъ, отправилась съ нимъ для объясненія въ старый запущенный паркъ. Съ своей стороны сгарающій отъ любви молодой человѣкъ тоже явился къ Изаарамъ съ твердымъ намѣреніемъ объясниться, наконецъ, съ предметомъ своей страсти. Случилось, разумѣется, то, что должно было случиться при такихъ обстоятельствахъ. При первыхъ же словахъ молодой дѣвушки объ ея намѣреніи выйти замужъ за Симеона Реймонъ приходитъ въ полное отчаяніе, грозитъ Женевиѣ самоубійствомъ, и объясненіе вмѣсто разрыва кончается первымъ поцѣлуемъ. Тѣмъ временемъ и Симеонъ, узнавши, что изъ 50 тыс. фр., оставленныхъ въ приданное Женевиѣ ея бабушкой, осталось только 30 тыс. и что остальные истрачены по ея собственному желанію отчасти на лѣченіе долго хворавшей матери, а отчасти на помощь старику Эделину, на отрѣзъ отказывается отъ счастья назвать Женевиѣ своей невѣстой. Съ этой стороны, словомъ, для влюбленной парочки все устроилось къ лучшему и Реймонъ плаваетъ въ блаженствѣ. Но его радужное настроеніе скоро нарушается необыкновенными удачами его младшаго брата. Поступивши въ мастерскую, Антонень, какъ мальчикъ очень смысленный и работящій, настолько освоился со своимъ ремесломъ, что успѣлъ уже скопить изъ своего заработка довольно значительную сумму денегъ, получилъ даже необыкновенно выгодное мѣсто въ Лондонѣ и въ конфиденціальному разговорѣ съ братомъ мечтаетъ о томъ, какъ онъ, вернувшись въ Парижъ, заведетъ свою мастерскую, уплатитъ долги своего отца, возьметъ къ себѣ мать и сестру и какъ онъ хорошо ихъ устроитъ «А я то что же?—съ досадой спрашиваетъ его Реймонъ.—Вѣдь глава семьи — я. Вѣдь это на мнѣ лежитъ обязанность позаботиться о судьбѣ сестренки и матери. Что же, меня-то ты ни во что не ставишь, что ли?» Въ его сердце закрадывается ревность и онъ теперь всѣчески старается унижить своего брата въ глазахъ Женевиѣ и Изаара, а по окончаніи курса въ лицейъ бросается на поиски за работой, которая дала бы ему возможность содержать свою семью и исполнить лежащія на немъ обязанности soutien de famille. Но увы! Онъ оказывается совершенно неподготовленнымъ къ жизни. Полученное имъ въ школѣ классическое образованіе, доставивши ему возможность читать въ подлинникѣ Гомера и Вергилія, не дало ему никакихъ свѣдѣній, которыми онъ могъ бы воспользоваться въ

начавшейся для него жизненной борьбѣ. Въ то время какъ его братъ, вернувшись изъ Лондона съ довольно крупнымъ заработкомъ, не только заводитъ свою мастерскую, но изобрѣтаетъ еще какую-то машину, которая даетъ ему возможность очень не дурно устроиться со своей матерью и сестрой. Реймонъ, бросаясь изъ стороны въ сторону, беретъ за множество занятій, но, за отсутствіемъ подготовки, не можетъ пристроиться ни къ одному и кончаетъ тѣмъ, что оставляетъ семью на попеченіе младшаго брата, а самъ отправляется за него на военную службу и даже на прощаніе поручаетъ ему позаботиться о Женевиѣ, которую оставляетъ въ интересномъ положеніи.

Рассказывая все это, авторъ мимоходомъ останавливается на учащейся молодежи середины восьмидесятыхъ годовъ, съ настроеніемъ и стремленіями которой ему удалось близко познакомиться благодаря широкому знакомству его сына, Леона, въ бытность его студентомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, правда довольно бѣгло и поверхностно, рисуетъ намъ представителей цѣлаго ряда разныхъ поколѣній, которые особенно занимаютъ его разницей не только въ своихъ основныхъ стремленіяхъ и въ своемъ настроеніи, но даже въ мелочахъ и подробностяхъ, и которымъ, по ихъ словамъ, очень трудно понять другъ друга какъ слѣдуетъ.

Последній романъ А. Додэ и сравнивать нельзя ни по глубинѣ основной мысли, ни по широтѣ замысла съ печатающимся теперь романомъ Золя, тѣмъ болѣе, что, въ немъ встрѣчаются такіе детали и подробности, которые были бы пожалуй больше у мѣста въ какомъ-нибудь романѣ Эжена Сю или Габорио. Но первые страницы романа, положительно очаровываютъ васъ необыкновенной жизненностью и правдивостью положеній и характеровъ, а въ общемъ онъ, какъ рѣзкій протестъ противъ людской черствости и противъ недостатковъ теперешней системы среднего образованія, не лишены и нѣкотораго общественаго значенія.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ СВѢТИЛА

О ЖЕНСКИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТИПАХЪ.

«Пет. газ.» занялась опросомъ петербургскихъ «извѣстностей» на тему о томъ, какой изъ женскихъ литературныхъ типовъ имъ наиболѣе по душѣ. Приводимъ нѣкоторые изъ отвѣтовъ.

И. Е. Рѣпинъ.

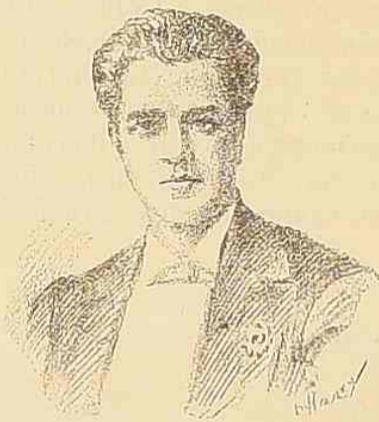
Въ литературныхъ произведеніяхъ нашихъ писателей такъ много есть симпатичныхъ женскихъ образовъ, что не знаешь, на которомъ изъ нихъ остановиться. Однако, передо мной особенно ярко обрисовывается образъ Наташи Ростовской изъ «Войны и миръ» Толстого. Этотъ

типъ мнѣ наиболѣе симпатиченъ... Сколько въ немъ искренности и задушевности! Какая безискусственная прелесть въ каждомъ словѣ и движеніи... Наташа Ростова болѣе другихъ женственна и въ характерѣ ея много прекрасныхъ чертъ, свойственныхъ вообще русской женщинѣ. Красота, конечно, свойственна каждому симпатичному женскому лицу, но одной красоты мало, нужно еще, чтобы женщина была интеллигентна... По моему мнѣнію, величайшее достоинство женщины ея интеллигентность.

К. А. Варламовъ.

Я люблю два женскихъ типа: русской дѣвушки въ «Горячемъ сердцѣ» Островскаго и Лизы Тургенева... Чистое, идеальное существо—Лиза для меня самая совершенная женщина!...

П. Н. Карабчевскій.

Гдѣ-то, у Гейне, кажется, сказано, что величайшимъ художникомъ будетъ тотъ, кто съ наименьшими усилиями достигнетъ наибольшаго художественнаго впечатлѣнія. Когда вы предлагаете мнѣ вопросъ: «Какой женскій типъ въѣхъ лучше въ литературу?», я невольно вспоминаю эту эстетическую формулу и уже несколько колеблясь объявляю вамъ: Гетевская Гретхенъ—Маргарита!

Въ самомъ дѣлѣ, есть-ли другой женскій типъ, который въ столь простыхъ художественныхъ контурахъ отразилъ бы иеиѣ всю ширь и глубь женской натуры съ ея законѣйшими вопросами, радостями и несчастьями. Права любить и быть любимой, права быть матерью и рядомъ преграды, искусственно выдвигаемая на этомъ пути,—развѣ все это не воплощено художественно въ образѣ Гретхенъ съ такою силою и прелестью, что въ сущности эта простая и заурядная дѣвушка (мѣщаночка) является намъ какимъ-то чистымъ и прелестнымъ видѣньемъ, о которомъ Фаустъ не можетъ забыть и на груди исторической Елены Прекрасной? И что для этого потребовалось поэту? Очень немногое. Первая встрѣчная дѣвушка (имя-же ей легионъ), въ сердцѣ которой живетъ только весь женскій инстинктъ и только вся женская правда—любовь.

Теперь взгляните, какимъ художественнымъ апофеозомъ, и совершенно по праву, наградила

поэтъ свое возлюбленное созданіе. Голосъ съ неба не побрезгалъ крикнуть этой несчастной дѣтубойцѣ: «Спасена!». Согласитесь, что немногіе женскіе литературные типы могутъ конкурировать съ Гетевскимъ созданіемъ.

Б. Е. Маковскій.

Самый симпатичный для меня женскій литературный типъ Офелія!.. Какое чудное поэтическое созданіе!.. Я три раза пробовалъ писать ее, и всѣ три раза мнѣ не удавалось придать ей лицу то выраженіе, которое я хотѣлъ. Помню, послѣ моей первой картины, изображавшей Офелію, я горячо спорилъ съ покойнымъ Гончаровымъ... Онъ говорилъ, что ей слѣдовало-бы придать болѣе реальное выраженіе сумасшедшей, а я возставалъ противъ этого... Для меня сумасшествіе Офеліи представляется необыкновенно поэтическимъ: она все время видѣла передъ собой Гамлета, все время мечтала о немъ, и такъ и ушла въ воду съ этой мечтой, съ пѣней на устахъ... Развѣ она дѣлала что нибудь дурное, что нибудь ужасное, какъ другіе сумасшедшіе?.. Нѣтъ!.. Она мечтала, она пѣла и раздавала цвѣты. Она была созданьемъ, до котораго еще не коснулася земной грѣхъ, она сошла съ земли такимъ-же поэтическимъ призракомъ, какимъ жила на ней!..

Б. Е. Маковскій

Въ нашей литературѣ такъ много прекрасныхъ женскихъ образовъ, особенно въ произведеніяхъ Тургенева и Толстого, что остановиться на одномъ какомъ-нибудь типѣ положительно не могу. Каждый женскій образъ, созданный этими писателями, самъ по себѣ прекрасенъ и хорошъ по своему... Художникъ можетъ вдохновиться любымъ женскимъ типомъ, взятымъ у этихъ двухъ писателей... Повѣрьте мнѣ, что если-бы художникъ слѣдовалъ своей симпатіи, увлекаясь какимъ-нибудь образомъ, то онъ постоянно писалъ-бы одно и тоже и вѣчно повторялся въ своихъ картинахъ... Какъ писатель, такъ и художникъ, не долженъ повторяться въ своихъ произведеніяхъ. Конечно, я не говорю о «міровыхъ» типахъ.

Многіе величайшіе мастера, особено въ старину, всю свою жизнь разрабатывали одинъ какой-нибудь міровой типъ...

Возьмемъ хотя-бы Рафаэля.. Онъ создалъ образъ Мадонны, увлекся этимъ образомъ и пи-

салъ его всю жизнь. Но современные, бытовые художники не могутъ повторяться и должны создавать образы самые разнообразныя... Меня лично какъ въ жизни, такъ и въ созданныхъ писателями женскихъ образахъ, трогаетъ только красота, одухотворенная идеей... Очень часто даже некрасивое лицо кажется привлекательнымъ, если оно выразительно, если оно, такъ сказать, освѣщено внутреннимъ чувствомъ... Возьмемъ для примѣра лицо артистки Дузе... Его нельзя назвать въ строгомъ смыслѣ красивымъ; но посмотрите, какъ оно осмыслено, сколько въ немъ отраженія внутренняго чувства и какъ оно освѣщено идеей!.. Такія лица могутъ запечатлѣться въ памяти художника..

Мазнина.

Я, какъ вы можете догадаться, не особенный знатокъ русской литературы, но изъ извѣстныхъ мнѣ ей женскихъ типовъ одинъ меня завоевалъ, лишь только я успѣлъ ознакомиться съ его главными чертами—это Татьяна Пушкина. Можетъ быть потому, что въ ней я узналъ душу большинства тѣхъ многихъ русскихъ женщинъ, съ которыми я чаще встрѣчался.

Главное различіе между женскими характерами вообще зависитъ, по моему, отъ болѣе или менѣе удачной пропорціи, въ какой природа одарила ихъ умомъ и сердцемъ. Эта пропорція необыкновенно удачна въ Татьянѣ Пушкина, и я о ней не могу думать безъ величайшаго восторга. Ея духовная прелесть, являющаяся какъ бы олицетвореніемъ русской женщины, такъ велика, что я даже совершенно забылъ описаніе ея наружности.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

◆ *Новый перстень Поликратовъ.* Въ прибалтійскомъ краѣ недавно случилось происшествіе, напоминающее извѣстную исторію съ Поликратовымъ перстнемъ, хотя бывшему владѣльцу перстня и не суждено было дожить до этой странной находки. Какъ сообщаетъ «Revalsche Zeitung», недавно одинъ изъ рыбаковъ, вытаскивая сѣти изъ Кукулонскаго озера (въ 18 верстахъ отъ Юрьева), нашелъ въ водоросляхъ въ сѣтяхъ золотой перстень. Этотъ перстень онъ вскорѣ продалъ, но рассказывалъ о своей находкѣ и при этомъ подробно описывалъ перстень. Одинъ изъ сосѣднихъ помещиковъ, заинтересовавшись перстнемъ, сталъ разыскивать перстень, нашелъ его у одного изъ евреевъ, купилъ и доставилъ перстень семьѣ его прежняго владѣльца. Оказалось, что на перстнѣ былъ вырѣзанъ родовый гербъ семьи бароновъ Майдель, а на внутренней сторонѣ была вдобавокъ надпись Fuchs der Estonia 1847 (Fuchs называется студентъ двухъ первыхъ семестровъ) Оказалось что это былъ подарокъ фуксовъ своему ольдермену (старшинѣ), и бывшаго владѣльца легко было узнать. Къ сожалѣнію, онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончался, но его родные помнили, что онъ, будучи еще студентомъ, потерялъ во время купанья дорогой для него перстень. Но никто не могъ думать о томъ, чтобы этотъ пер-

стень черезъ 50 лѣтъ по исчезновеніи будетъ снова поднятъ со дна морского на свѣтъ Божій и попадетъ въ руки, если не бывшаго владѣльца, то его родныхъ.

◆ *Оскорбленный кавалеръ.* На дняхъ въ Харьковѣ, на Ключковской улицѣ произошелъ такой забавный инцидентъ. Въ стоявшій возлѣ воротъ одного дома фаэтонъ, садилась какая-то полная, одѣтая въ мѣховую рогонду дама. Благодаря гололедицѣ и неровному высокому тротуару, дама никакъ не могла поставить ногу на подножку экипажа, рискуя поскользнуться и свалиться съ высокаго тротуара. Въ этотъ моментъ проходилъ какой-то лохматый бѣдно-одѣтый господинъ. Быстро подойдя къ дамѣ, онъ ухватилъ ее подъ локти и ловко усадилъ въ фаэтонъ. Въ благодарности за любезность, дама важно достала кошелекъ, чтобы заплатить своему случайному кавалеру.

— Вы меня оскорбляете!.. сказалъ выразительно господинъ.

— Возьмите, возьмите, не смущайтесь, говорила томно дама, протягивая какую-то монету.

— Ну, когда такъ, проговорилъ покрасивѣвшій и всплывшій господинъ, такъ пожалуйста изъ фаэтона... И не успѣла дама ахнуть какъ снова очутилась въ безпомощномъ состояніи на ледяномъ тротуарѣ.

◆ *Оригинальная свадьба.* Одинъ изъ конторщиковъ богатой экспортной конторы Б. вычиталъ какъ-то въ американской газетѣ «Columbians News» объявленіе слѣдующаго содержанія:

«Молодая, 21 года, американская миссъ, имѣющая капиталъ въ 600.000 долларовъ, желаетъ выйти замужъ за молодого блондина, у котораго на лбу есть родимое пятнышко.

Нравственность миссъ вѣдъ всякихъ сомнѣній. Карточки и біографію, а также подробный адресъ проситъ высылать въ Нью-Йоркъ, 22 улица Томасу Смитъ».

Конторщикъ удовлетворялъ требуемымъ условіямъ и выслалъ по указанному адресу свою карточку и біографію.

Миссъ навела черезъ американскаго консула справки о молодомъ конторщикѣ.

На-дняхъ конторщикъ получилъ изъ Америки карточку эксцентричной миссъ и письмо:

— «Если я вамъ нравлюсь и вы хотите жениться на мнѣ, то немедленно выѣзжайте въ Америку. Въ американскомъ консульствѣ вы получите тысячу долларовъ».

Конторщикъ получилъ и уѣхалъ въ Америку. На-дняхъ пріятель конторщика получилъ отъ него слѣдующую телеграмму

«Моей невѣстѣ исполнился 21 годъ въ 1866 г., къ этому времени относится ея карточка. Служу безъ копѣйки».

На-дняхъ получена была такая телеграмма: — «Женился, ѣдемъ съ моей «молодой женой» въ Россію».

◆ *Предупредительность адвокатовъ.* N, проживающій въ провинціи, потерялъ родственника, который оставилъ ему нѣсколько милліоновъ. N отправился утверждать въ правахъ наслѣдства въ Петербургъ. До Москвы путь его былъ тихій и спокойный, но въ Москвѣ за нимъ, какъ за младенцемъ, начали ухаживать отчасти знакомые юристы, ходатаи, специалисты по наслѣдственнымъ дѣламъ и проч.

— Мы, батюшка, намъ въ три дня все получимъ...

— Я и гонорара не требую опредѣленнаго, что дадите, тѣмъ и доволенъ буду!..

— Если я понадобится, за честь почту!..

N бѣжалъ изъ гостиницы прямо въ Петербургъ. На курьерскомъ поѣздѣ онъ разговорился съ незнакомцемъ. Каково-же было удивленіе N, когда на визитной карточкѣ, переданной ему этимъ господиномъ, онъ прочелъ: «частный ходатай по дѣламъ». Послѣдній прямо заговорилъ о наслѣдствахъ вообще... N сообразилъ, что ходатай ѣдетъ въ Петербургъ для него. Онъ внезапно пересѣлъ на другое кресло. На одной изъ станцій, — это было поздно ночью, вошелъ въ вагонъ какой-то господинъ и занялъ мѣсто рядомъ съ N. Это былъ тоже ходатай. Два юриста выѣхали его встрѣчать въ Окуловку. Словомъ, пока N добрался до своего адвоката въ Петербургъ, онъ получилъ до двадцати любезныхъ предложеній повести его дѣло.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1898 годъ

НА БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ, НАУЧНУЮ, ОБЩЕСТВЕННУЮ И КОММЕРЧЕСКУЮ
ГАЗЕТУ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

На глазахъ нашихъ постоянныхъ читателей въ «Одесскихъ Новостяхъ» за истекшій годъ произошли крупныя перемѣны. Оставшись вѣрными разъ навсегда усвоенному направленію, чуждому узкой партійности и всякой національной исключительности, поставивъ своей задачей *неуклонное служеніе вѣчнымъ идеаламъ чело́вѣчества—прогрессу и культурѣ, гуманности и вѣротерпимости*—газета наша не переставала стремиться впередъ по пути дальнѣйшихъ усовершенствованій.

Поочередно въ газетѣ появляются фельетоны

«ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРА», литературно-критическіе очерки—М. А. ПРОТОПОПОВА.
«МЕЖДУ КНИГОЙ И ЖИЗНЬЮ», журнальныя обзорѣнія—В. П. ПРЕОБРАЖЕНСКАГО.
«ПЕТЕРБУРГСКІЯ ПИСЬМА», НОМО NOVUS.
«МОСКВА И МОСКВИЧИ», г. АРСЕНІЯ Г.
СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ВЕСѢДЫ—В. А. ВЕРТЕНСОНА.
ЮРИДИЧЕСКІЯ ОБЗОРѢНІЯ—Е. В. ВАСЬКОВСКАГО,
МЕДИЦИНСКІЯ ВЕСѢДЫ—д-ра ВЕНДЕРСКАГО,
ОЧЕРКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ П. И. ЗВѢЗДИЧА и проч.

Въ «Одесскихъ Новостяхъ» принимаетъ въ настоящее время ближайшее и постоянное участіе извѣстный публицистъ ДАЛИНЪ (Д. А. ЛИНЕВЪ), статьи котораго по вопросамъ и нуждамъ провинціи обратили на себя вниманіе русской читающей публики.

Въ отдѣлѣ беллетристики были напечатаны у насъ въ текущемъ году повѣсти и рассказы К. С. БАРАНЦЕВИЧА, А. С. ГРУЗИНСКАГО, Д. Л. МОРДОВЦЕВА, М. П. НЕВѢЖИНА и др., а также нѣкоторыя произведенія иностранной литературы. Въ будущемъ мы рассчитываемъ, уступая желаніямъ нашихъ подписчиковъ, значительно расширить беллетристическій отдѣлъ газеты.

Въ текущемъ году, между прочимъ, будутъ напечатаны въ «Одесскихъ Новостяхъ» ДВА БОЛЬШИХЪ ОРИГИНАЛЬНЫХЪ РОМАНА нашихъ извѣстныхъ беллетристовъ:

- 1) „ПЕКЛО“, романъ ВЛ. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО и
- 2) „ДѢТИ СОЛНЦА“, романъ въ 2-хъ частяхъ И. Н. ПОТАПЕНКО.

Въ настоящее время въ «Одесскихъ Новостяхъ» принимаютъ постоянное участіе слѣдующія лица: Арсеній Г., проф. Г. Е. Афанасьевъ, Я. С. Балабанъ, К. С. Баранцевичъ, д-ръ И. Вендерскій, В. А. Вертенсонъ, магистръ Е. В. Васьковскій, проф. И. Я. Гурляндъ, А. Грузинскій, Герцогъ Лоранъ (псевд.), Далинъ (Д. А. Линева), Номо Новус (псевдонимъ), С. С. Закъ, П. И. Звѣздичъ, (псевд.) Г. В. Зуевъ, профес. С. И. Иловайскій, А. Е. Кауфманъ, профес. А. И. Кирпичниковъ, Л. А. Куперникъ, профес. А. И. Маркевичъ, Д. Л. Мордовцевъ, Н. Г. Михайловскій-Гаринъ, Митридатъ (псевд.), Нааке, П. М. Невѣжинъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, прив.-доцентъ Р. М. Орженцкій, прив.-доцентъ М. Г. Попруженко, О. Я. Пергаментъ, И. Н. Потапенко, М. А. Протопоповъ, В. П. Преображенскій, Н. С. Рашковскій, И. М. Рева, профес. Ѳ. И. Успенскій, И. М. Хейфецъ, А. И. Черкасъ, С. Н. Южаковъ, А. С. Эрманъ и др.

Подписная цѣна въ Одессѣ.

Безъ доставки.		Съ доставкой.
На 1 мѣсяць	р. 90 к.	1 р. — к.
» 3	» 2 » 50 »	2 » 75 »
» 6	» 5 » — »	5 » — »
На годъ	» 8 » — »	9 » — »

Подписная цѣна съ пересылкой въ города:

На 1 мѣсяць		1 р. 10 к.
» 3	»	3 » — »
» 6	»	5 » 50 »
На годъ		10 » — »

За границу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяць. Для годовыхъ подписчиковъ допускается РАЗСРОЧКА во взносѣ подписной платы—для иногороднихъ: при подпискѣ 5 р. и до начала второго полугодія 5 р.; для городскихъ—при подпискѣ 5 р. и по начала второго полугодія 4 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Одессѣ—въ Главной конторѣ на Ланжероновской ул., д. № 30. Телефонъ № 230. Редакція помѣщается тамъ-же.

Редакторъ-Издатель *А. П. Старковъ.*

Редакторъ *Е. В. Васьковскій.*